

«ДОМ ОБРАЗЦОВА» НЕ ГОРИТ И НЕ ТОНЕТ

Резо Габриадзе полон замыслов

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия», 1995-28 окт. с. 6.

Среди событий, открывших новый год московской культурной жизни, справедливо отметить междоусобицу фестивалей кукольных театров. Пригласил их в российскую столицу Резо Габриадзе, новый художественный руководитель Театра имени Сергея Образцова. Для художника, наследовавшего Великому Кукольнику, такая акция была неслучайной.

— Мне показались очень важным это творческое состязание, — говорит Резо Леванович, — ведь немало кукольных театров действительно прокладывают новые пути в нашем жанре. Видеть это, заряжаться энергией исканий — первое условие, дабы не закинуть в творчестве. Во-вторых, почасе приглашать к себе другие труппы — просто обязанность «дома Образцова», не случайно в его титуле рядом с «академический» стоит «центральный», а что это за центр, если он никого не объединяет!

Переезд в Москву Габриадзе (писателя, скульптора, театрального художника, книжного графика, кукольника) был исполнением пожелания самого Сергея Владимировича. Предстояло расставание с привычным театром марионеток, который Габриадзе создал и привел к европейской славе.

— Нет, я вовсе не расстался с моим театром. Во всем мире так: режиссеры на время отходят от родной сцены — работают молодежь, пробуют крылья. А мне сейчас интересна работа в театре Об-

разцова: другие задачи, возможности.

Задаю щепетильный, «неудобный», но, на мой взгляд, естественный вопрос: «Встретились ли вы здесь с трудностями?» Габриадзе молчит, думает. Он был бы неискренним, если б сказал «нет». Всякий переход, точнее, приход в новый коллектив связан с узнаванием друг друга, ведь встречаются разные привычки, традиции, индивидуальности. Художественный руководитель вообще — личность особенная. Один строг, суров, другой, напротив, мягок, либерал. Третий как бы возвышается над всеми в силу своих несомненных заслуг, четвёртый — демократичен, сходится с коллегами накоротке. Все это проявляется в отношениях между художественным руководителем и коллективом — на просто руководителем, а руководителем художественным, который не только указывает и в какой-то мере воспитывает, но и ведет определенную художественную линию, получающую к тому же его имя.

С другой стороны, коллективом тоже незримо управлял сложившийся ранее представитель о взаимоотношениях с художественным руководителем. Происходит это иногда безболезненно, чаще непростое, что тоже нормально.

Как ответить? Он не сидит в кабинете с секретарем, у него нет приемной, из помещения, где раньше было нечто вроде склада, он оборудовал студию — это и рабочее место, и мастерская, и приемная: за письменным столом он беседует с сотрудниками, у стенда рисует, у станка делает куклу. Иногда из студии слышна музыка... Странный человек.

— Вы работаете в этом театре уже, кажется, полгода...

— Думаете, достаточно, чтобы разобраться хотя бы в себе самом! Слава Богу, мы начинаем новый спектакль. Вот лежит пьеса...

— Можно почитать?

— Почитать нельзя: кукольник пишет пьесу как партитуру, расписывая действие на инструменты — на куклы. Уже в ходе рождения куклы рождается эпизод, а то и целая сцена. Так работали и наши предшественники. Что знал автор, он же режиссер, о Фаусте Несном (кстати, в пьесе много героев: Мефистофель, Гретхен...). Остальное он делал в процессе постановки... В этой стопке (показывает) — рисунки, чертежи меха-

низмов кукол, ноты, диалоги, опять рисунки. Это пьеса о войне, я собираюсь ставить ее к 50-летию Победы.

Под силу ли кукольному спектаклю такая сложная тема, как война! Сочиняя десятки отдельных эпизодов, Габриадзе убедился: не только под силу, но средства кукольного театра открывают в этой теме новые повороты.

Габриадзевский метод поиска точного выразительного эпизода хорошо знаком по кино: вспомним блестящие «кубики», из которых складывается сюжетная канва сценария, написанные с его участием. К примеру, таких великих фильмов, как «Необыкновенная выставка», «Не герой», «Мимино». Лично я вообще не знаю других произведений, в которых через тончайшие наблюдения национальных характеров и черт столь ярко проявилась бы интересная суть замысла. Нация — новое через интернациональное (и наоборот) будет присутствовать и в этом спектакле о войне: возможен ли вообще рассказ о войне без этой темы!

Мечта мастера: создать о войне (конечно, своими средствами) равное тому, как она позвучала в других родах искусства. В театре Образцова для этого есть все, говорит Габриадзе, и, главное, актеры. Немного театры могут показаться такими цехами, такими ма-

стерами. Жаль только, что и актеры, и мастера-кукольники остаются почти анонимными. Многие из них — высочайшие таланты, они могут и должны светить на театральном небе звездами, и не только России. Публика должна их знать, любить, на руках носить. Без этого актер и мастер «янут»... А ведь были другие времена. Вспомним Гердта: билет нельзя было достать...

Для спектакля, который называется пока «Песня о Волге», Габриадзе задумал построить специальный павильон во дворе, — там представления будут идти постоянно в течение длительного времени. Сергей Владимирович Образцов возвел уникальный театральный комплекс, считает он. Это и многократно описанные большой и малый залы, фойе музейной ценности, множество подсобных помещений. Прекрасные возможности созданы двор, террасы во дворе — их можно и нужно «заполнить» действием, на них надо играть. Тогда и репертуар станет доступнее зрителю, и народу театр сможет собирать у себя значительно больше. Здесь, кстати, и решение экономических проблем, потому что главная забота театра — показывать спектакли. Больше публики — больше средств. И не надо забывать, что театр Образцова главным образом детский. Это сцена детей. Это театр де-

тей! Как объяснить пятилетнему человеку, что такое театр! А он спросит, обязательно спросит. Вот и надо ему это показать.

...Возвращаемся к спектаклю о войне.

— Вам хочется больше знать о нем! Откровенно говоря, мне тоже хотелось бы о нем знать больше. Часто и я, и мои коллеги «выбавляем» новые спектакли. Столько говорим, порой годами и даже десятилетиями, что потом пропадает желание ставить эти спектакли: они как бы уже поставлены. Нельзя долго играть в руке яблоком, оно становится теплым и не хрустит... Могу лишь поделиться с вами тем, что это — режиссер. Плач. Знаю только, что работа трудная и для меня, и для театра. Понятны мои волнения!

Есть у Габриадзе еще один проект, он связан с Пушкиным. В доме Анны Ахматовой в Петербурге прошла недавно выставка его фарфоровых кукол

на пушкинские мотивы.

— Это был эскиз к спектаклю, о котором я также думаю сейчас, — к спектаклю о Пушкине. Уже много лет Андрей Георгиевич Битов и я работаем над серией книг о Пушкине. Мне кажется, такой театр, как театр Образцова, тоже не может пройти мимо этой сложной, но радостной темы. 1999 год не за горами — год пушкинского двухсотлетнего юбилея. К тому же, если учесть, что обычно нормальный срок работы над спектаклем в кукольном театре полтора — два года, то приниматься за работу надо уже сейчас.

— Театр Образцова известен как театр сатирический, бодроство спектаклей для взрослых было четко направлено на сатиру. С нашим приходом что-то изменится! Хотя в кино этот жанр был использован достаточно широко...

— Но это не была сатира, скорее — трагикомедия... Если говорить о преемственности, то я хотел бы сохранить все спектакли Сергея Владимировича, чтобы они в репертуаре были вечно. И я дальше буду приглашать авторов и режиссеров, знающих этот жанр. Но сам я не нахожу в нем удовольствия, у меня не очень получается обличение... Начиная спектаклем драматическим, даже трагическим, я хочу подчеркнуть значительность этого театра: его возможности в юморе известны, но в высокой драме использованы пока лишь в малой степени. Наше время, однако, требует этого: мир еще никогда не стоял так близко к краю пропасти, даже у дома Павлова в октябре 1942 года не было так страшно. У меня же, кукольника, нет в руках колокола — всего лишь колокольчик...

Пауза. И Габриадзе переходит к «близкой» проსпекте нашего общества — и тем, с кем мамы разговаривают в основном юморе: ешь, жуй, глотай! А именно у ребенка трех-четырех лет интеллект воспринимает как никогда. И потому детям надо предлагать только высокую эстетику. Если в этом возрасте слушать Моцарта, Моцарт останется на всю жизнь. С ребенком нельзя халтурить: ежики или морковки для него должны быть сделаны на уровне настоящего искусства. Вы ему как бы сообщаете камертон, по которому он будет потом выверять свое восприятие. Это задача особая, ответственная, поскольку таким путем художник входит в подоснование ребенка: как состоит в первый раз, так пойдет и дальше.

И, наконец, Габриадзе убежден: не может никакой театр обойтись без того, что называется мировой литературой. «Представьте, какой современной историей может быть сегодня «Фауст»! А житие Николая Гирсоманишвили! Думаю, я уже смогу подойти к нему, до сих пор я на это не решился. Хорошо бы еще поставить «Риголетто» — опера обязательно должна присутствовать в репертуаре кукольного театра.

«В широком окне его студии снег был оплетен. Почему бы не сыграть «Петрушку» на морозе, как это бывало в течение веков на Руси! Почему не ставить спектакли так, как извидели Бенуа и Добужинский!» Габриадзе полон планов. Он и сам похож на известного персонажа классической литературы, которому мир представлялся значительно лучше, чем был на самом деле. Говорят, для художника это очень ценное качество...